

На правах рукописи

Черкасова Екатерина Анатольевна

**СТИХОТВОРНОЕ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
В.С. СОЛОВЬЕВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1890-Х ГОДОВ:
КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тюмень – 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Комаров Сергей Анатольевич

Официальные оппоненты: **Кубасов Александр Васильевич**
доктор филологических наук, профессор
Уральский государственный педагогический университет

Маркова Виктория Валерьевна
кандидат филологических наук
Тюменский государственный университет

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Томский государственный университет»

Защита состоится «30» марта 2012 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д. 212. 274. 09. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Автореферат разослан _____ февраля 2012 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент*

Светлана Михайловна Белякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность темы исследования.

Наследие В.С. Соловьева – поэта, литературного критика, философа, публициста и общественного деятеля – одно из самых важных звеньев того феномена, что именуют «русской духовной традицией» [Хоружий 2005: 14–15]. За последнюю четверть века произошел коренной перелом в оценке роли и миссии Вл. Соловьева в истории отечественной культуры в целом. Ранее только крупнейшие аналитики русского зарубежья, расходясь в интерпретациях, но сходясь в значимости наследия Соловьева для судеб России, писали о нем (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, К.К. Мочульский, Н.О. Лосский, В.П. Федотов и др.). Сегодня ни одна официальная история русской философии, русской литературы, русской литературной критики, русской эстетической мысли, русской культуры не обходится без особого раздела или параграфа о фигуре и творчестве В.С. Соловьева.

Широкому читателю сегодня доступны двухтомная антология «Владимир Соловьев: pro et contra», начатое полное собрание сочинений и писем В.С. Соловьева в 20 томах (вышли 4 тома), тома его литературно-критических и стихотворных работ, есть репринтные издания прижизненных стихотворных книг (в частности 1891 года). Отдельные издания философских и иных трудов его выходят с завидной регулярностью и значительными тиражами. Правда, издание стихотворных опытов Соловьева, выпущенное в большой серии «Библиотеки поэта» в 1974 году, подготовленное и прокомментированное З.Г. Минц, до сих пор остается наиболее авторитетным среди специалистов-филологов.

Актуальность темы данного диссертационного исследования обусловлена рядом моментов. Во-первых, актуальность темы связана с необходимостью поиска новых и уточнения прежних методик анализа сопряжения и параллельного развития философских, интеллектуальных,

художественных, эзотерических и иных практик (дискурсов) как индивидуального, так надиндивидуального порядка. Во-вторых, она обусловлена местом В.С. Соловьева в логике развития отечественной культуры, в-третьих, многогранностью его творческого дара (философ, поэт, эстетик, общественный деятель, публицист, литературный критик). В-четвертых, в силу того что отдельные отрезки творческого и жизненного пути Соловьева описаны и отрефлексированы слишком неравномерно и разнокачественно, требуется сосредоточение исследовательской мысли на весьма конкретных хронологических отрезках и поиске их системно-доминантных характеристик. В-пятых, отечественной и зарубежной филологией еще не накоплен достаточный опыт анализа конкретных художественных текстов Соловьева.

Так называемых «узких специалистов» собственно по поэзии Соловьева единицы (З.Г. Минц, О.А. Дашевская, Д.М. Магомедова, И.Б. Роднянская). Литературоведы до сих пор стремились, закрепляя стихотворные поиски поэта за определенным надиндивидуальным системным образованием (предсимволизм, символизм, лирика «безвременья», конец века, смена художественных парадигм, серебряный век, время мутации реализма, неореализм, антинатурализм и др.), выявить в поэтическом наследии Соловьева соответствующие ему черты и признаки. И это в целом удавалось. О Соловьеве-поэте писали и пишут известные и авторитетные специалисты (В.С. Баевский, Н.А. Богомолов, О.А. Дашевская, Е.В. Ермилова, Вяч. Вс. Иванов, Н.А. Кожевникова, Д.М. Магомедова, Д.Е. Максимов, З.Г. Минц, О.В. Мирошникова, Н.А. Рогачева, И.Б. Роднянская, Р.Д. Тименчик, А. Ханзен-Лёве, Л.П. Щенникова, Е.Г. Эткинд и др.), они, чаще всего, развернуто говорят о современниках Соловьева или его последователях, так или иначе, давая сжатые обобщающие, сущностные характеристики и стиховому наследию художника и мыслителя. Но, как фиксируют специалисты, тот же Соловьев не только открывает дороги в XX век, намечая пути своим последователям, он не менее жестко спорит с ними,

в частности с ранним русским символизмом. Так, исследователи (например, О.Б. Кушлина и Н.А. Рогачева) сходятся на том, что критические выступления Соловьева-пародиста направлены «против обмирщения духовной литературы» [Рогачева 2010].

О наследии Соловьева–философа только в постсоветский период защищено более десятка кандидатских диссертаций, наследие же Соловьева-поэта стало материалом лишь одной работы подобного рода [Чжонг-Со 1995].

Методологически инновационный подход к индивидуальной художественной системе как метатексту, активно разрабатывавшийся в предшествующие десятилетия и в последние годы широко используемый для описания различных историко-литературных явлений, и в применении к наследию В.С. Соловьева доказал свою продуктивность (работы О.А. Дашевской 1990–2000-х годов). Тем самым отечественное филологическое соловьевоведение было выведено на новый этап развития после периода 1960–1980-х годов, методологический абрис которого во многом определялся поисками З.Г. Минц и ее коллег. Именно в рамках метатекстового подхода были вычленены структурные скрепы «поэзии В.С. Соловьева как философско-художественного целого», объединяемые соловьевской концепцией всеединства: «природный мир», «философия любви и женского образа», «историософская проблематика», «концепция поэтического творчества» [Дашевская 2005: 13–33].

Говоря о последней из скреп («концепция поэтического творчества»), О.А. Дашевская предложила целый ряд сущностных акцентов, определяющих сам способ Соловьева мыслить об искусстве слова: художественный акт как особый способ преобразования мира, русская литература как основной предмет рефлексии, цикличность литературно-критических опытов автора (статьи и речи о Достоевском), типологичность описания художника («пророки», «духовные вожди», «лирики»), статус поэзии в русской литературе, идея пантеона русских поэтов – «их творчество

– высшее проявление национальной литературы, они представляют ее как целое». Важны замечания исследователя об «исчерпанности» пантеона «несколькими именами», о том, что Соловьев «мифологизирует их творчество», «”вычитывает” у поэтов <...> близкое себе», что его статьи и стихи «становятся способом развертывания собственных ключевых мифов», которых выделяется несколько: «миф о русской литературе», «миф о поэте», «миф об искусстве» [Дашевская 2005: 29–33]. Предлагаемое диссертационное исследование во многом ориентировано на направление поиска, заявленное О.А. Дашевской, и развитие ряда идей, выдвинутых ученым из Томского университета.

Однако, на наш взгляд, метатекстовый подход к наследию В.С. Соловьева, заявив целый веер прорывных идей и дав новое качество рефлексии его литературно-критических и поэтических произведений, именно в силу своей моделирующей специфики «сгладил» эволюционную составляющую личностного поиска Соловьева, динамику и «живую плоть» его погруженности в современность отечественной культуры, логику и противоречия его самосознания, виденье себя в конкретных «точках» жизненного и творческого пространства, на конкретных этапах духовного пути. В частности, с нашей точки зрения, для адекватной рефлексии творческих поисков Соловьева в середине 1890-х годов принципиально понимание кризисности его самоощущения. Составляющие этой кризисности таковы: своя книга лирики может быть лишь дополняема, переиздаваема, создать новый корпус стихотворных опытов не представляется возможным; предшествующее поколение эстетически и духовно близких мастеров поэтического слова физически и творчески выбывает из жизни; появляется новая «волна» поэтов со своим мощным идеологом (Д.С. Мережковский) и ты ревностно вступаешь с ней в схватку, потому что ощущаешь их идейную и энергетическую силу, ревизующую и вытесняющую тебя и близкий тебе опыт творчества. Соловьев начинает защищать и отстаивать ту духовную поэтическую традицию, на острие которой непроговариваемо до конца он

оказывается сам. Его задача – убедить современников в мощи, длительности и эстетической продуктивности этой традиции. В исторической перспективе именно он становится победителем в идейной схватке с Д.С. Мережковским за влияние на молодое поколение, которое обозначает себя в качестве «соловьевцев» (А. Блок, А. Белый и др.). Метатекстовый подход в принципе как бы «снимает», не замечает остроту данной феноменологической проблематики, как бы «проскакивает» ее. Но, на наш взгляд, именно импульсами этой ситуации питаются как конкретные литературно-критические, так и поэтические текстовые решения Соловьева, а также отчасти компенсируются и уравниваются его историософские искания, в рамках которых нарастает «пессимистическая» тенденция.

Описать сложность этого процесса, объективированного в динамике и взаимодействии «форм» творчества, безусловно, помогают методологические и методические наработки отечественного литературоведения по мифопоэтике, разнообразию контекстовых поэтических форм, стратегиям авторского книготворчества, эволюции жанрового сознания и субъектного воплощения в лирике, парадигмальному и индивидуальному словоупотреблению, описанию смежных с лирикой дискурсов, то есть то, что векторно отличает и характеризует отечественную филологию последних десятилетий в сфере анализа стиховых структур различного масштаба.

Объект данного диссертационного исследования – книга В.С. Соловьева «Стихотворения» 1895 года, его литературная критика и стихотворные тексты второй половины 1890-х годов, то есть заключительного отрезка жизненного пути художника и мыслителя.

Предмет исследования – соловьевская концепция русской поэзии, воплощенная в его литературно-критических и стихотворных текстах этого времени. Предмет исследования обусловил широкие выходы в философско-эстетические труды В.С. Соловьева различных лет.

Целью диссертационной работы является обнаружение системного виденья Соловьевым сущности, задач и истории русской поэзии как

интегратора его литературно-критических и поэтических исканий итогового пятилетия жизни. Понятие «интегратор» в научном обороте отечественного литературоведения «работает» уже несколько десятилетий, в частности оно используется Д.Е. Максимовым по отношению к «идее пути» в творчестве А.А. Блока.

Для достижения поставленной цели необходимо решение ряда **задач**:

1) выявить в текстах Соловьева философско-эстетические основания и необходимый категориальный аппарат специфической для него рефлексии задач русского искусства;

2) обнаружить в корпусе литературно-критических работ Соловьева второй половины 1890-х годов системное виденье им истории и сущности русской поэзии;

3) проанализировать в мотивном аспекте книгу стихов В.С. Соловьева «Стихотворения» 1895 года как претекстовый опыт и фактор создания концепции русской поэзии;

4) доказать наличие в стиховой практике В.С. Соловьева заключительного пятилетия жизни несобранного цикла о русской поэзии, содержащего ее целостную концепцию.

Структура и методология диссертационного исследования соответствуют цели и поставленным задачам.

В основе **методологии** диссертационного исследования сочетание элементов типологического, семиотического, системно-целостного и культурологического подходов к анализу литературных явлений.

В **историко-литературном плане** исследование ориентировано на работы В.С. Баевского, Н.А. Богомолова, С.Г. Бочарова, О.А. Дашевской, Е.В. Ермиловой, В.А. Келдыша, Н.А. Кожевниковой, Г.П. Козубовской, Л.А. Колобаевой, Б.В. Кондакова, Д.М. Магомедовой, Д.Е. Максимова, З.Г. Минц, О.В. Мирошниковой, В.А. Недзвецкого, В.В. Полонского, А. Ханзен-Леве, Л.П. Щенниковой, Е.Г. Эткинда и др.

В **теоретико-литературном плане** оно опирается на исследования С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, С.Н. Бройтмана, В.В. Бычкова, М.Л. Гаспарова, Л.Я. Гинзбург, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, А.В. Михайлова, Ю.Б. Орлицкого, В.В. Федорова.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые дано системное описание особой концепции русской поэзии в творческом наследии В.С. Соловьева и определен ее статус для итогового пятилетия жизнедеятельности художника и мыслителя.

Исследование исходит из следующей **рабочей гипотезы**. Сконцентрированность литературно-критических работ Соловьева второй половины 1890-х годов вокруг рефлексии именно творчества русских поэтов не случайна, как и множественность его стихотворных опытов этого периода, адресованных конкретным собственно литературным событиям и именам. В основе данных фактов может находиться некая сверхзадача, которую решает Соловьев, руководствуясь в своих творческих усилиях определенным направляющим виденьем жизни и словесности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) К середине 1890-х годов В.С. Соловьев оказался готов к оформлению своего виденья истории и сущности русской поэзии в особую концепцию. Факторами ее формирования послужили философско-эстетические взгляды мыслителя на отношения России и Запада, на космическую миссию человека в свете идеи всеединства, на приоритетность духовной жизни в качестве преобразующего механизма природы и человека, на искусство в качестве высшей формы деятельной духовной жизни и лирики в качестве наиболее органичного инструмента выражения смысла любви.

2) Итоговая книга стихотворений Соловьева 1895 года явилась для автора рубежом осознания собственных усилий данной направленности и стимулом для уточнения и концентрации усилий всей русской поэзии в качестве единой преобразующей реальной силы в развитии мира и человека.

3) Это потребовало от него системной рефлексии всего опыта именно русской поэзии, отбора имен и текстов, способных стать ориентиром и звеньями данной преображающей силы. Литературная критика Соловьева и становится такой лабораторией ревизии и рефлексии, в которой концептуальный образ данной силы конструируется автором. Согласно Соловьеву, эта сила уже есть в России, а опыт нарождающегося символизма он (в споре с Мережковским) видит как периферию истинной поэзии, как ценностное и эстетическое отклонение от нее.

4) Тексты истинной поэзии (А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, А. Толстой, отчасти А. Фет и Я. Полонский) – это истинная духовная родина для каждого россиянина, причем родина не условная, а реальная, то есть материальная сила, делающая каждого человека причастным к космической жизни, а значит, и к истинному предназначению на земле.

5) Данная концепция мифологична по природе, она объясняет и мотивирует программную мистериализацию стихотворных текстов Соловьевым, а также развернутость и публичность его диалога с А.А. Фетом как хронологически последним звеном в цепи истинных русских поэтов преображающей силы, с которым сам Соловьев в качестве звена этой же цепи должен установить наиболее живой и естественный контакт. Поэтому стихи Соловьева, адресованные Фету, и становятся стержнем его несобранного цикла о русской поэзии, а текст «Родина русской поэзии» фиксирует элегию Жуковского как начальную точку появления и преемственного развития преображающей силы в России.

Апробация работы проводилась в форме докладов на двух международных («Международный научно-исследовательский проект "Национальная идентичность и гендерный дискурс в литературе XIX–XX вв."» (3–6 июня 2009 года, Тюмень), «XI международная очно-заочная конференция “Русская литература в контексте мировой культуры”» (13–14 октября 2011 года, Ишим)) и шести всероссийских конференциях: «Всероссийская научная конференция “Региональные литературные

ландшафты: история и современность»» (26–28 апреля 2007 года, Тюмень), «Всероссийская научно-практическая конференция “Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации”» (19–20 февраля 2008 года, Тюмень), «32-я Всероссийская научная конференция “Духовные основы славянской культуры в народном сознании поколений”» (25 мая 2009 года, Тюмень), «Всероссийская научно-практическая конференция “XX Ершовские чтения”» (4–5 марта 2010 года, Ишим), «30-я Всероссийская научно-практическая конференция “Русский мир в духовном сознании народов России”» (24 мая 2007 года, Тюмень), «Всероссийская научная конференция с международным участием “Владимир Соловьев и поэты Серебряного века”» (24–25 ноября 2011 года, Иваново).

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры русской литературы Тюменского государственного университета. Основные положения диссертационной работы отражены в 13 публикациях, среди них раздел в коллективной монографии и три статьи в ваковских изданиях.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в вузовских курсах «История русской литературы», «Литературная критика», «Культурология», а также в спецкурсах по истории русской поэзии и русской философии.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, приложения и библиографического списка, насчитывающего 397 наименований. Общий объем диссертации – 224 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, дается характеристика степени разработанности проблемы, формулируются рабочая гипотеза, цель, задачи, научная новизна, положения, выносимые на защиту, методологическая основа исследования, практическая значимость работы.

Глава первая «Философско-эстетические и литературно-критические основы соловьевской концепции русской поэзии» состоит из двух параграфов. **Первый параграф** называется **«Космическое и национальное в проекте В.С. Соловьева преображения мира и человека “формами” поэзии»**. Категория космизма получила в творчестве Соловьева достаточно широкую трактовку: от общефилософского значения (понятие «идеальный космос», которое «составляет основное содержание – и основную истину – греческой философии в ее центральной системе – системе платонизма») до конкретно авторской интерпретации («космос» – «всякое внутреннее единство, всякое изнутри идущее соединение многих есть любовь (в том широком смысле, в котором это понятие совпадает с понятиями лада, гармонии и мира или міра, космоса)») и установления связи данного феномена с судьбой России. Человек вписан Соловьевым в логику космогонического мифа, он является, согласно мысли автора, субъектом, способным совершать акт божественного творчества: именно в человеке «мировая душа впервые внутренне соединяется с божественным Логосом в сознании, как чистой форме всеединства». Следуя идее всеединства, Соловьев обозначает человека как часть космоса и человека как носителя космического начала (понимание человека как космоса). Логика построения космогонического мифа определяет появление в его структуре одного из важнейших для Соловьева элементов – творчества, видов искусств, причем поэзии как наивысшего акта проявления творчества, способного принадлежать одновременно к божественному и природному мирам. Космическая миссия человека, как совершенного творения природы, заключается в том, чтобы осуществить качественный переход от «разлада» к «ладу», от «хаоса» к «космосу» (миру). Именно человек, пройдя все стадии мистериального преображения и достигнув высшей идеи, при этом став сверхчеловеком, способен на так называемое духовное размножение, то есть распространение «бессмертной жизни», которое приведет к появлению

сверхчеловечества. Действенным преобразующим элементом в данной программе будет являться творчество.

Энциклопедичность Соловьева в обращении к жанрам (послание, баллада, элегия, поэма, песня, лирическое стихотворение, отрывок, посвящение, басня, «на случай», пророчество, знамение, слово, эпиграмма, размышление, воспоминание, ода, гимн, эпитафия, акrostих, отзыв на песни, ответ на плач, признание, история, полубаллада, автопародия, пародия, надпись, шуточное стихотворение и др.) – свидетельство не просто мастерства, а глобальности и универсальности его замысла по мобилизации «готовностей» жанрового репертуара мировой поэзии на программу преобразования мира и человека. Это и образец пути для любого русского художника, предлагаемый Соловьевым в качестве программного ориентира, ведь России поэт-философ отводит роль синтезирующего, собирающего, объединяющего начала на переходе к космическому человеку.

В параграфе дается сопоставление в версии Соловьева двух типов сознания (российского и европейского). Народность мыслится именно тем качеством, которое способно оказаться природной и исторической «живой силой». Категория народа/народности является особенно важной для автора в связи с идеей преобразования действительности и достижения человечеством высшей идеи. Народ в качестве «великой земной силы» способен стать «творческой силой». Соловьев приходит к выводу об избранности русского народа, способного мирно соединить противоречия Востока и Запада, оставаясь при этом силой, открытой всем мировым явлениям. Согласно Соловьеву, культурно-исторический тип «русские» находится в процессе формирования, что позволяет России выбрать иной, нежели Европа, путь. Избранность пути к новому мироустройству обусловлена также статусом «духовности», которым наделяет Россию автор.

Второй параграф первой главы называется «Теория трех “групп” русских поэтов в литературно-критической рефлексии В.С. Соловьева второй половины 1890-х годов и спор с Д.С. Мережковским». Интерес к

поэтическим явлениям Соловьева-критика возрастает ко второй половине 1890-х годов: «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1895), «Поэзия гр. А.К. Толстого» (1895), «Русские символисты» (1894–1895), «Поэзия Я.П. Полонского» (1896), «Судьба Пушкина» (1897), «Мицкевич» (1899), «Особое чествование Пушкина» (1899), «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899), «Лермонтов» (1898 – замысел, 1901 – первая публикация).

Задачи, стоящие, по Соловьеву, перед «истинным» поэтом сводятся к четырем основным: 1) преобразование действительности; 2) соответствие поэзии-для-поэзии; 3) изображение сущностной правды жизни; 4) выражение духовной свободы. Данные задачи отражают как стремление народа (в частности – художника, поэта), способного стать положительной преобразующей творческой силой, к открытости, а также стремление человека к осуществлению космической миссии в качестве преобразующего начала. В выборе имен только русских поэтов (исключение – Мицкевич) улавливается связь со стремлением Соловьева обособить русскую народность от всех прочих, в частности, от европейской.

Несмотря на противоречивость взглядов Соловьева относительно личности Пушкина, проявившихся в критических очерках о нем, «эталонность» Пушкина как «чистого поэта» («истинного» лирика) для Соловьева очевидна. Важным качеством для критика в поэтическом наследии Пушкина является «беспримесность» (то есть способность пушкинской поэзии получать содержание из самой себя), а значит, прямое отображение красоты в стихотворениях. Для автора поэзия Пушкина – пример для собственных эстетических рассуждений о задачах искусства, что также подчеркивает уникальность Пушкина как творца высшего порядка. В великом предшественнике Соловьев находит идеал поэта, способного в поэзии уйти от «житейского волнения». Вторая «группа», согласно классификации Соловьева, включает поэзию Баратынского и Лермонтова, причем последний на фоне Баратынского имеет максимальное количество различных упоминаний в литературно-критических очерках и статьях

Соловьева. Имя Лермонтова связано со вторым этапом мистериального действия, ведь поэт, ощутив несовершенство мироустройства, стремится к положительному преобразению действительности, то есть осуществляет мистериальный переход, позволяющий охарактеризовать лирика как приверженца «нищезанятия», как индивида, с рождения близкого к «сверхчеловеку». При разности понимания Ницше и Соловьевым идеи сверхчеловечества общее стремление к преобразению характерно для обоих философов. Демоническое начало Лермонтова Соловьев трактует как заблуждение, отмечая, что он «поэт божией милостью». Жизненный и творческий путь Лермонтова является для Соловьева прообразом того сверхчеловека, о котором он говорит в философских и эстетических трудах. Для Соловьева-критика третья «группа» – это поэты «гармонической мысли» Ф.И. Тютчев и А.К. Толстой. В тютчевской поэзии Соловьев находит хаотические основы мира, которые играют важную роль в понимании мифа, разрабатываемого философом. Тем самым Тютчев оказывается вписанным в схему мистериального преобразования, обозначая и знаменуя своим творчеством ее первый этап (осознание несовершенства действительности). А.К. Толстой, являясь «поэтом-борцом», о чем неоднократно говорит Соловьев, воплощает собой и своим творчеством именно тот образ «воинствующего рыцаря», что способен освободить от всего житейского «Вечную Женственность». Положительное действенное начало лирики и патриотизм А.К. Толстого, являющийся обязательным элементом идеи всеединства философа, послужили основанием включения имени поэта в ряд лириков, важнейших для понимания мифа Соловьева.

Невключенность Я.П. Полонского и А.А. Фета в данную классификацию не означала для Соловьева «неистинность» их как лириков. Он подчеркивает наличие в их творчестве истинного начала, но отмечает сомнения в трактовке являвшихся художнику откровений (Я.П. Полонский) а также чуждость «истинности» поэта его стремления к государственной службе (А.А. Фет). В литературно-критических статьях, очерках,

философских трудах Соловьев многократно ссылается на творчество Фета, хотя ему и не посвящено им отдельного труда. Многочисленные поэтические обращения и цитирования говорят о безусловном влиянии Фета на творчество Соловьева.

Выстраивание поэтических имен-знаков соответствует схеме мистериального преобразования действительности в стремлении к высшей идее. Каждый из выбранных Соловьевым поэтов соответствует особенностями своего творчества той или иной стадии мистерии.

Полемический характер диалога Соловьева с Мережковским обусловлен различием взглядов на новое искусство. Различие в подходах очевидно уже на уровне методологий, а также целей, стоящих перед критиком. Для Мережковского наиболее объективным в трактовках поэтических текстов зарождающего символизма является критик-поэт, Соловьев же говорит об объективности восприятия произведений критиком-философом. Расходятся полемисты и в толковании понятия «красота»: для Соловьева она живое «воплощение истины», а для Мережковского – лишь отражение некой идеи. На понимании художника-творца у Мережковского заканчивается цепь рассуждений, Соловьев же полагает, что художник является лишь посредником высшей идеи, а не ее конечным результатом. Полемика захватывает и феномен «сверхчеловек». Для Мережковского гениальность (сверхчеловечность) уже заключена в творце, тогда как Соловьев пишет о стремлении каждого «истинного» художника к совершенствованию себя, своего творчества, которое бы распространило совершенство на весь окружающий мир, что привело бы к появлению «сверхчеловечества». Полемисты придерживаются различных воззрений на религиозную основу искусства: для Соловьева – это христианство и, соответственно, совершенствование идет через воскрешение, для Мережковского это самосовершенствование духа в русле «эллинской» (языческой) философии. Рассматривая в контексте собственных суждений

раннюю поэзию символистов, Соловьев приходит к выводу о «неистинности» их лирики, а соответственно, и всего явления – символизма.

Концепция русской поэзии, которая оформилась в результате творческих усилий В.С. Соловьева во второй половине 1890-х годов, то есть в рамках последнего пятилетия его жизненного пути, имеет целый ряд специфических черт. Первая черта – концепция оформлялась средствами литературной критики и поэтического творчества по принципу взаимодополнительности. Вторая черта – она имела личностный, мифогенный, манифестарный, не академический характер. Третья черта – она питалась импульсами внутреннего кризиса ее автора и стала, в конечном счете, зримой и развернутой платформой преодоления кризиса и, как принято сегодня говорить, «дорожной картой» поддержания личной творческой формы и духовной перспективы для Соловьева. Четвертая черта – она была двувекторно адресована – внутрь (к себе) и вовне. Это обусловило ее процессуальную и поисковую специфику, ее рассредоточенность по значительному количеству литературно-критических и поэтических текстов, а также несобранность соловьевского цикла стихов о русской поэзии, сложность его структуры (предметная доминанта, мистериальный сюжет, наличие вершинного текста, знаковых словообразов и трех сквозных мотивов, диалог автора с Фетом как коммуникативный стержень цикла). Пятая черта – она вместе с тем являлась результатом, продолжением и развитием философско-эстетических наработок Соловьева предшествующего двадцатилетия, то есть не противоречила его базовым философским и эстетическим идеям 1870–1880-х годов. Шестая черта – концепция структурирована автором по двум параметрам: первый – аксиологическая антитеза «истинное» – «неистинное»; второй – в пределах «истинного» трехшаговая группировка исторического материала по принципу убывания, снижения качества.

Именно как поэзия формирующейся и молодой культурно-исторической общности «русские», пластичной и открытой мировому опыту,

русская поэзия, согласно Соловьеву, способна идти своим, отличным от Европы путем, чувствовать и решать всемирные, универсальные задачи. С этим связана специфика соловьевской формулы «русская поэзия».

В отличие от мифа концепция русской поэзии Соловьева при наличии мифогенного качества опиралась на широкое историко-литературное знание автора и читателя, апеллировала к этому знанию, также она имела системный понятийный аппарат («группы», «период», «формы», «задачи», «сущность», «цели», «средство», «русская поэзия», «истинная поэзия», «сила», «высшая идейная энергия», «поэтическая деятельность», «сознание», «рефлексия», «значение», «элемент», «цельность», «истина», «красота», «лирик», «пророк», «положительная мысль», «гармоническая мысль», «дейтельная воля», «явление», «мир идей», «добро», «зло», «высшая норма», «перерождение жизни в поэзию», «непосредственное», «почва», «фундамент», «самобытность» и т.д.).

Данная концепция была четко хронологически ограничена автором: ее нижняя граница – постдержавинская «эпоха», начало XIX века, «Сельское кладбище» В.А. Жуковского, то есть 1802 год; ее верхняя граница – 1890-е годы, и конкретные жизненные пределы стихотворчества Фета (1893), Полонского (1898) и самого Соловьева (1900). В рамках этого векового временного отрезка автором концепции определяется и формируется четкая духовная «стрела развития», обладающая признаками реальной, действенной, творчески преображающей все силы, обладающей особой практически материальной энергией воздействия и переориентации на воспринимающего. Существенно, что эта реальная сила именно у истоков своих (Пушкин) имеет образцовый максимум. Он (максимум) в дальнейшем относительно теряет свои универсальные качества, однако способен в процессе развития поворачиваться к человеку различными, иными, чем прежде, но отвечающими основным задачам мистерии преображения сторонами. Этот феномен истинности способен удивлять и по-новому зачаровывать, обнаруживая и специализируя стадильность процедуры преображения,

усложняя и интенсифицируя элементы генерального (универсального), стратегически неотменяемого и незаменимого ничем процесса.

Показательно, что субъектами (носителями) этого дара оказываются поэты, родившиеся на сравнительно небольшом историческом отрезке: Пушкин (1799), Тютчев (1803), Лермонтов (1814), А. Толстой (1817), Полонский (1819), Фет (1821). Именно их и только их Соловьев рассматривает как собственных предшественников, а себя мыслит продолжателем того закона-импульса истинной силы, истинного искусства, который был ими отдан в мир для восстановления связи человека с космосом. Подчеркнем, что Соловьев-концептуалист весьма жестко избирателен в своих построениях. За пределами истинной русской поэзии, согласно Соловьеву, оказываются Державин, Карамзин, Дмитриев, Крылов, Грибоедов, Вяземский, Языков, Полежаев, Хомяков, Бенедиктов, Майков, Некрасов, Апухтин, Тургенев, Григорьев, Надсон, Случевский, Минский, Фофанов и др.

Соловьев верит, несмотря на свой историософский пессимизм «Трех разговоров», что в мире уже есть реальная, неотменяемая, материальная – по мощи, зафиксированности, системности и универсальности – сила, а именно корпус стихов истинных русских поэтов, который позволит преобразить граждан страны, а через их посредство и весь мир, потому что встреча читателя (человека) с этим корпусом стихов и есть его встреча со своей подлинной родиной, а значит, и с самим собой. Корпус стихов истинных русских поэтов – такова истинная родина каждого россиянина. Она реальнее для Соловьева, чем современная ему страна. Он понимает свое поэтическое творчество как звено этого ряда, готовящее будущее России и человечества.

Уже ближайшее литературное поколение оценит философско-эстетическую программу Соловьева, его поэтическую практику (А. Блок, А. Белый) и встанет под знамена «соловьевства». Связь лирика с родиной, с «почвой», его способность оформлять в текст «общий смысл любви» и тем самым органично, естественно решать космические, духовно-религиозные

задачи обусловила победу соловьевской концепции русской поэзии и в исторической перспективе его спора с Д.С. Мережковским о путях и задачах «новой поэзии». Ведь именно поэты-соловьевцы остались в России и с Россией до конца, когда пришло время испытания, и с честью прожили отведенные им для жизнестроительного подвига годы.

Во второй главе «**Стихотворная практика В.С. Соловьева в аспекте формирования и манифестирования концепции русской поэзии**», состоящей из двух параграфов, подробно анализируются такие поэтические формы, как книга стихов, несоборный цикл и отдельные стихотворные произведения В.С. Соловьева второй половины 1890-х годов.

Первый параграф озаглавлен «**Мистериализация поэзии как путь осуществления соловьевского проекта преображения мира и человека. Книга стихов В.С. Соловьева 1895 года в качестве пролога к концепту “истинная поэзия”**».

Мистериализация предполагает мистериальный переход как действие, имеющее в своей основе концепт «преображение», изменения, которые происходят с лирическим субъектом стихотворений в связи с осуществлением данного перехода. Он происходит по схеме, описанной самим Соловьевым. Во-первых, необходимо осознание несовершенства окружающего мира, ведущее к духовному очищению и преодолению всего «земного». Во-вторых, непосредственно сам процесс преобразования действительности, заключающий в себе все изменения и метаморфозы, происходящие с субъектом и вокруг него (наиболее сложный для трактовки и описания этап). В-третьих, обретение иного, совершенного бытия как итог мистериального действия. В параграфе детально анализируется текст «В тумане утреннем неверными шагами...» (1884) – одно из ранних стихотворений, обозначающее готовность Соловьева к поэтическому развертыванию мистериальной схемы. Мотивная и образная организация стихотворения позволяет говорить о его «включенности» в единый поэтический текст Соловьева, так как мотив странничества и словообразы

берега, утра, звезды являются константными для ближайшего поэтического контекста, представленного именами А.К. Толстого, Ф.И. Тютчева и А.А. Фета.

Книга 1895 года сконцентрировала в себе смыслы, которые были высказаны в стиховой структуре книги 1891 года, имевшей не хронологический принцип формирования, а также новые моменты, которые Соловьев обозначил в связи с добавлением некоторых произведений и небольшим изменением структуры книги. Все прижизненные издания стихотворений Соловьева открывают пять текстов. Это говорит об особой тематической заданности всей книги стихов, на которой настаивал автор. Книга стихов 1895 года обрела новые мифопоэтические акценты: место женщины в процессе преобразования действительности, процесс преобразования реального мира, особая роль России в формировании нового миропорядка («О Русь! В предвиденье высоком / Ты мыслью гордой занята; / Каким же хочешь быть Востоком: / Востоком Ксеркса или Христа?»). Переводческая деятельность Соловьева, нашедшая отражение во всех книгах стихов Соловьева, практически не претерпела изменений от издания к изданию.

Второй параграф озаглавлен «**Стихотворные тексты второй половины 1890-х годов В.С. Соловьева как несоборный цикл о русской поэзии**». Двенадцать произведений Соловьева второй половины 1890-х годов («Отшедшим», «Памяти А.А. Фета», «На смерть А.Н. Майкова», «А.А. Фету (Посвящение книги о русских поэтах)», «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”», «Отзыв на “Песни из “Уголка”»», «Песня моря», «Ответ на “Плач Ярославны”», «На смерть Я.П. Полонского», «Белые колокольчики», «Les revenants», «Вновь белые колокольчики») образуют собой несоборный цикл на основе общей диалогической направленности, а также ряда мотивов: мотив ухода / смерти, мотив мистериального события, мотив наследия / преемственности. Часто встречающимся будет в данном цикле мотив сна. Формирующийся на стыке биографических событий и

мифопоэтического мышления Соловьева несобранный цикл создает единое пространство, некое «царство песнопений», в котором находятся поэты.

Подчеркнутая манифестарность текста «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”» обусловлена во многом изучением Соловьевым истории русской поэзии, стремлением составить и издать «Книгу о русских поэтах». Соловьев формирует собственное стиховое пространство – из 35 строф элегии Жуковского в оригинальном тексте автора лишь пять строф, из которых вторая транслирует целое элегии «Сельское кладбище». Текст-ориентир цитируется Соловьевым практически напрямую – это основные образы «сосен», «сном», «спят». Показательно зримое сходство – обозначение некоторой части текста курсивом, только у Соловьева это не целая строфа, как у Жуковского, а лишь строка, но именно она представляет собой практически точную цитату из Жуковского. Автором дублируется стихотворный размер элегии Жуковского (шестистопный ямб) и отдельные рифмующиеся элементы (неизменных – глядят – уединенных – спят / наклоненных – стоят – уединенных – спят). Диалогическая тональность к концу текста приобретает характер монологичности, что знаменует формирование Соловьевым собственного мифопоэтического пространства, мистериальное рождение (подобно русской поэзии) нового слова в заявленном контексте. Пасторальная картина (с характерными для нее сегментами – «селянином», «стадами» и «спокойным шалашом»), открывающая элегию Жуковского, сменяется у Соловьева обобщенным образом города, вобравшим в себя узнаваемые читателем коды двух столиц («береговой гранит» и «высокий Кремль»). Это пространство у Соловьева обособленно от основного текста и является как бы недостижимым.

Мистериальность, присущая данной элегии, проявляется не только на уровне, заявленном в заглавии (описание родины русской поэзии), но и на уровне моментальной смены пространственно-культурных координат и концентрированного описания «местности» и «действий» в отдельно взятой строфе («туманные острова», которые находятся за «морем» и направляют

«песни строгие» к «укромной колыбели»). Смена пространственных координат происходит лишь на уровне сознания лирического субъекта, так как внешних предпосылок для его перемещения в тексте нет. Особо стоит отметить отсутствие каких-либо прямых лексических повторов, отсылающих непосредственно к заглавию текста, ведь у Соловьева «русская поэзия» обозначена как «волшебница» и «сладостный гений». Само рождение совершается на стыке двух пространственных координат, преобразование происходит в окружающей данную мистерию природе: семантически «мертвое» пространство сельского кладбища и леса вокруг него оживает. Русская поэзия («волшебница») совершает некое «путешествие», преодолевая границы времени по направлению к лирическому субъекту, тем самым намечая мистериальное действо. Мистериализации подвергаются все фактические данные об элегии Жуковского, в том числе «строгие песни» Томаса Грея. Эти «песни» как бы сами «несутся», «летят», «поются», то есть максимально опредмечиваются в качестве действующих лиц общезначимого для духовной жизни страны процесса (переход от старших поколений («родительских гробов») к младшим – («укромной колыбели»)). Типичной для текстов Соловьева оппозицией неба и земли здесь фиксируется высшая точка мистериального действия, где земля и небо сливаются в акте духовного перерождения, имеющего надперсональный смысл и характер: «На сельском кладбище явилась ты недаром, / О гений сладостный земли моей родной!». «Родина русской поэзии» – это стихотворение, в котором наиболее зримо проявляется идея Соловьева о творчестве самой природы, которая оказывается творчески перспективной и импульсивной. При этом творцы, которые способны уловить ее космические импульсы, духовно порождают общую родину через слово, именно поэтому косвенно общим произведением является вся истинная русская поэзия.

Понятие «несобранный цикл», используемое в отечественном литературоведении не только к отношению к лирике, но и к прозе, предполагает, во-первых, отсутствие авторских публикаций и указаний

(иных проявлений авторской воли) на совокупное и связанное определенной последовательностью и заглавием обнаружение ряда принадлежащих ему текстов. Во-вторых, оно предполагает наличие чаще всего мотивно-тематической или иной общности/связанности определенного количества текстов, созданных автором на относительно узком временном отрезке и представляющих художественное высказывание, обладающее признаками некой сверхтекстовой целостности.

Обращенность Соловьева к личности и творчеству А.А. Фета в семи текстах из двенадцати несобранного цикла говорит о стремлении Соловьева установить наиболее тесный контакт с поэтической системой поэта-предшественника, перенимая и трактуя в связи с собственной системой воззрений некоторые фетовские мотивы. Особую группу у Соловьева в данной связи образуют природные мотивы «неба» и «дали», а также словообразы «крыла», «волны» и «цветения». Мир человека в мотивно-образной организации текстов Соловьева, включенных в несобранный цикл, представлен словообразами «дружба», «одиночество» и «сердце». Соловьеву важно не только взаимодействие природного и человеческого миров, ведь для него человек является самым совершенным результатом эволюции. Как «фетовские» могут быть отмечены словообразы «жизнь», «любовь», «мир». В поэзии Соловьева они часто образуют некий синтез, отличный от возможных вариаций в лирике Фета. В контексте обозначения «фетовских» мотивов необходимо добавить словообразы «круг», «душа», «тайна» и глагол «стоять» как качественная характеристика состояния лирического субъекта или объекта описания. В знаковых для всего творчества Соловьева «Белые колокольчики» и «Вновь белые колокольчики» обнаруживается целый корпус вышеобозначенных «фетовских» мотивов. Природа Фета, являющаяся внешним фактором, лишь при определенных условиях и обстоятельствах способная проникать в человеческое сознание, становится у Соловьева неотъемлемой частью человеческого существования и духовного мира – это происходит за счет «перемещения» Соловьевым «цветов» из

стихотворения Фета к «заветным тропинкам души». В художественных текстах Соловьева второй половины 1890-х годов, представляющих несобранный цикл, очевидно постоянное возвращение лирического героя в прошлое, что говорит о невозможности разрешения ситуации одиночества в настоящем.

Словообраз «колокольчики» возникает в поэзии Соловьева лишь в последние два года жизни, дважды заявляется в заглавии. Он маркирует творчество поэтов, чья лирика была особенно значима для Соловьева: А.К. Толстой «Колокольчики мои...» (1840-е годы), Я.П. Полонский «Колокольчик» (1854 г.), А.А Фет «Колокольчик» (1859).

Объединяющим началом для текстов со словообразом «колокольчик» будет являться особое состояние лирического субъекта – его глубокая погруженность в себя. На фоне этого будет происходить смена пространственных и временных координат, варьирование одного или нескольких пространств. От раннего текста А.К. Толстого к самым поздним из рассматриваемых – стихотворения В.С. Соловьева – будет происходить постепенное распрямление словообраза «колокольчики», снятие конкретных значений на уровне пространственно-временных координат и нанизывание большого количества смутных, еле уловимых ощущений. Пространственные границы сужаются к последнему соловьевскому тексту и предельно ясные семы «лес» и «степь» максимально метафоризируются, превращаясь в «заветные тропинки души», в заключительном же тексте пространство обозначено как «здесь». То же самое происходит и с временными обозначениями: «день» и «ночь» приобретают максимально распрямленную или неявную форму «отцветает» (обозначение прихода осени), «тяжкие, душные, грозные дни» (множественное число и эпитеты указывают на пороговое состояние некоего процесса).

Звук или его отсутствие знаменуют в произведениях стык в сюжетной организации текста и часто переход, совершаемый сознанием лирического субъекта, когда колокольчик будет иметь некое гипнотическое воздействие

на воспринимающее сознание. Восприятие стиховой традиции Соловьевым обозначено им использованием эпитафии из стихотворения Фета.

В **заключении** подводятся итоги исследования, обозначается ряд направлений его перспективного продолжения.

В качестве перспективы исследования рассматривается выявление мистериальной природы конкретных художественных текстов В.С. Соловьева, а также косвенных воздействий на его концепцию поэзии более разветвленной системы собственно философских понятий его работ 1880–1890-х годов.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Публикации в изданиях, рекомендованных Министерством образования и науки:

1. Черкасова Е.А. Элементы мистерии в стихотворном тексте В.С. Соловьева «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”» // Вестник ТюмГУ. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. №1. – С. 19–25.
2. Черкасова Е.А. Мистериальный сюжет в стихотворении В.С. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...» // Владимир Соловьев и поэты Серебряного века: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием: Тезисы докладов. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. энергетического ун-та им. В.И. Ленина, 2011. – С. 84–86.
3. Черкасова Е.А., Дворцова Н.П. Мистериальная структура стихотворного текста «малой формы» В.С. Соловьева («В тумане утреннем неверными шагами...») // Вестник ТюмГУ. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. №1. – С.197–203.

В других изданиях:

4. Черкасова Е.А. Поэтика диалогии В.С. Соловьева // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. Ч.1. – С. 98–101.
5. Черкасова Е.А. Образ чиновника в текстах В.С. Соловьева-поэта // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации. – Тюмень: Мандр и К^а, 2008. Ч.2. – С. 223–226.
6. Черкасова Е.А. Жанровая система В.С. Соловьева как знак этноландшафта // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе. – Тюмень: Печатник, 2008. – С. 165–168.

7. Черкасова Е.А. Жанры средневековья в поэзии В.С. Соловьева // Русский мир в духовном сознании народов России. – Тюмень: Вектор Бук, 2008. – С. 252–254.
8. Черкасова Е.А. Образ женщины в поэзии В.С. Соловьева// Нравственные традиции в духовном сознании народов России. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – С. 164–166.
9. Черкасова Е.А. Проблема «Религия и творчество» в литературно-критическом наследии В.С. Соловьева // Духовные основы славянской культуры в народном сознании поколений. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – С. 84–87.
10. Черкасова Е.А. «Смысл любви» В.С. Соловьева в гендерном аспекте // Национальная идентичность и гендерный дискурс в литературе XIX–XX вв. – Тюмень: Печатник, 2009. – С. 53–58.
11. Черкасова Е.А. Мотивный комплекс поэзии В.С. Соловьева в аспекте диалога с лирикой А.А. Фета // XX Ершовские чтения. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. – С. 225–227.
12. Черкасова Е.А. Категория космизма в философии и поэзии В.С. Соловьева // От текста к контексту. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2011. Вып. 10. – С. 33–37.
13. Черкасова Е.А. «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”» В.С. Соловьева // Русский мир в отечественной литературе: этнофилологический аспект: коллективная моногр. / под ред. С.А. Комарова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2011. – С.125–132.